

Біабанъ-гули.

Вѣло было въ началѣ марта въ самой южной части Ленкоранскаго уѣзда, такъ-называемомъ Астаринскомъ магалѣ. Я пробирался по дѣламъ службы изъ одного затеряннаго среди лѣсовъ и чалтыковъ селенія къ другому. На пятиверстной картѣ разстояніе между обоими этими селеніями было показано такое, что кажется, чутьчку понатужившись, перепрыгнуть можно. Давно, однако, извѣстно, что одно дѣло—теорія, другое—практика. Со здѣшними разстояніями я, правда, былъ уже давно знакомъ, и не разъ, глядя на карту, вспоминалъ слова извѣстной пѣсни: „гладко писано въ бумагѣ, да забыли про овраги, — а по нимъ ходить!“ Овраги здѣсь замѣняютъ болота и чалтыки, т.-е. рисовыя плантаціи, которыя представляютъ собою искусственныя болота.

Какъ бы то ни было, хотя я все это, повторяю, прекрасно зналъ и не разъ испыталъ на горькомъ опытѣ, мнѣ такъ хотѣлось поскорѣе покончить съ этою командировкой, что я, окончивъ свои дѣла въ первомъ изъ этихъ селеній, поспѣшилъ выѣхать въ другое, разсчитывая, что авось де и доберусь засвѣтло. Однако дороги здѣшнія въ эту пору года превзошли даже и мои довольно-таки смѣлая ожиданія: это была какая-то сплошная топь. Ошибка за ошибкой: и я сдался на предложеніе моихъ проводниковъ ѣхать „ближайшей“ дорогой, гдѣ „не такъ“ грязно.

И вотъ мы свернули „съ обыкновенной“ дороги и поѣхали прямо черезъ лѣсъ. Грязно здѣсь было дѣйствительно „не такъ“. Тамъ мы только шлепали по водѣ, здѣсь же поминутно то одна, то другая лошадь вдругъ провали-

валась въ раскисшую почву чуть не по брюхо, билась, карабкалась по выступающимъ корнямъ и, выбравшись, съ испугу бросалась въ чащу разныхъ колючихъ растеній, не слушая узды. Да и мудро было править. Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ животныхъ только хамелеонъ можетъ одинъ глазъ направить внизъ, а другой вверхъ, я же по слабости человѣческой никоимъ образомъ не могъ смотрѣть сразу и подъ ноги лошади, и по сторонамъ. Къ тому же начало быстро смеркаться, а мы залѣзли въ страшную чащу. Поэтому, предавшись на волю Божію, я сталъ смотрѣть только, чтобы не выколоть себѣ глазъ, или чтобы низкая вѣтвь не вышибла меня изъ сѣдла.

Впереди ѣхалъ мой неизмѣнный проводникъ въ этой части уѣзда, лѣсной объѣздчикъ Кахіани. Стало настолько темно, что я едва различалъ бѣлый крупъ его лошади, и всѣми силами старался не отстать. На бѣду было новолуніе, да и все небо было обложено тучами. Напрасно я прислушивался, не услышу ли гдѣ голоса чекалки. Онѣ молчали, изъ чего я могъ вывести печальное заключеніе, что и завтра будетъ ненастье, ибо никто не предсказываетъ погоды лучше этихъ скверныхъ тварей. На ведро они поднимаютъ страшный концертъ, передъ непогодю же молчать, какъ рыбы.

Теперь въ лѣсу стояла полная тишина, нарушаемая только хлюпаньемъ нашихъ лошадей, которыя съ трудомъ вытаскивали ноги изъ вязкой почвы.

Мы ѣхали уже часа три. Вдругъ лошадь объѣздчика фыркнула и затопталась на мѣстѣ; онъ остановился. Въ этотъ моментъ передъ нами была небольшая прогалинка, образовавшаяся отъ паденія большого дуба. Тѣсно обступая ея со всѣхъ сторонъ деревья, отъ основанія до вершины опутанныя вьющимися растеніями, едва вырисовывались черными кружевами на сѣромъ небѣ. Я дернулъ за поводъ, чтобы приблизиться къ проводнику, но лошадь только безпокойно перебирала ногами, да прятала ушами. Пристально взглянувъ впередъ, я ясно увидѣлъ въ полумракѣ какую-то черную фигуру, которая беззвучно, какъ тѣнь, но съ совершенно человѣческими движеніями

пересѣкала намъ путь. Я не видѣлъ, откуда она появилась, но, пройдя поляну, она безшумно скрылась въ чащѣ. Кахіани, взявшійся было за ружье, снова закинулъ его за спину, и мы тронулись дальше.

Настроеніе мое передъ этимъ страннымъ видѣніемъ было самое прозаическое: я мысленно ругалъ себя за легкомысліе, а проводниковъ за ихъ страсть ѣздить не по дорогамъ, а чортъ знаетъ гдѣ, и болѣе всего заботился, чтобы, пробираясь чащей, не разорвать вдребезги своей новой шведской куртки. При такомъ трезвомъ настроеніи мыслей, трудно было предположить галлюцинацію, да къ тому же и лошади и провожатые несомнѣнно тоже что-то видѣли. Однако рѣшать этотъ вопросъ въ данный моментъ не приходилось: мы залѣзли въ такую чашу и такую грязь, что едва-едва кое-какъ изъ нея выбрались и только послѣ пяти часовъ утомительнаго пути, наконецъ, добрались до селенія.

* * *

Послѣ ужина, во время котораго я едѣлалъ честь и нкрѣ, добытой по пути гдѣ-то на ватагѣ моимъ заботливымъ проводникомъ, и прекрасному плову съ циплятами, поданному радушнымъ хозяиномъ, мысли мои приняли совершенно другой оборотъ и отъ сквернаго состоянія духа, которое было у меня въ лѣсу, не осталось и слѣда. Лежа съ сигарой въ зубахъ на тюфякѣ *) передъ пылающимъ каминомъ, я съ любопытствомъ прилущивался къ разговору, который вели между собою объѣзчикъ и проводникъ Мирза. Они устроились въ другомъ концѣ большой кунацкой старшины и оживленно толковали о разныхъ ужасахъ.

Разговоромъ сперва завладѣлъ Мирза, такъ какъ объѣзчикъ былъ болѣе занятъ закуской. Перебравъ гѣмпъ, тигровъ и даже львовъ, яко бы также (находящихся Талышинскія горы, Мирза перешелъ къ дикимъ людямъ.

Тутъ между ними произошелъ споръ. Кахіани склонялся къ мнѣнію, что какъ здѣсь, такъ и въ Грузіи, дикіе мужчины въ настоящее время уже перевелись, а остались

*) Мебели въ татарскихъ домахъ здѣсь не полагается.

однѣ только женщины, одну изъ которыхъ мы и встрѣтили сегодня на пути. Мирза же доказывалъ неопровержимыми фактами, что и дикіе мужчины и по сей день въ Талышѣ здравствуютъ.

Старикъ хозяинъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, противъ меня у камня. Его глаза были устремлены на пламя. Не вмѣшиваясь въ разговоръ, онъ сосредоточенно курилъ длинную трубку и только изрѣдка въ патетическиххъ мѣстахъ разсказа Мирзы сочувственно покачивалъ головою.

— Что вы за вздоръ тамъ городите?—кликнулъ я ихъ.

— Эхъ... какъ вздоръ? Это все правда, баринъ, есть...

— Есть, есть!—убѣдительно отвѣчалъ объѣздчикъ.— А сегодня развѣ вы сами не видѣли?

— Что?—спросилъ я, притворяясь непонимающимъ.

— А дикая женщина передъ нами прошла? Отчего же лошадь-то стала?!

— Видѣлъ, ага, видѣлъ и я!—подхватилъ Мирза.

— Какая же она?—продолжалъ я допытываться.

— А такая же, какъ и обыкновенная,—отвѣчалъ онъ,— только и платье, и чадра черныя. Тоже прошла такъ передо мной, подошла къ большому дереву и... пропала. Ужъ я искалъ, искалъ ее,—нѣтъ!

— Эхъ, это что! А вотъ у насъ, въ Грузіи, случай былъ... Былъ одинъ охотникъ, отличный стрѣлокъ, и постоянно онъ много дичи билъ. Только отправился онъ одинъ разъ за утками. Привязалъ лошадь, самъ немного отошелъ на удобное мѣсто, пустил на воду ручную утку, и ждетъ... Ждалъ, ждалъ,—хоть бы одна а противъ того мѣста, гдѣ лошадь привязалъ, то и дѣло садятся. „Что такое?—думаетъ онъ себѣ,—дай посмотрю!“ Подходить, а около лошади стоитъ женщина—кра-а-сивая! Положила руку на шею лошади и облокотилась на нее... „Поди,—говорить,—поди ко мнѣ. Чего ты боишься? Сколько ни ищи, а лучше меня жены не найдешь, а утокъ—вотъ бери, сколько хочешь!“ Поглядѣлъ онъ туда, куда она ему показывала, а тамъ вся вода утками покрыта, и смиренныя, смиренныя онѣ такія сидятъ. Но не поддастся ей, однако.

охотникъ. „Чего,—говорить,—тебѣ отъ меня надо? Уйди!“—перекрестился и началъ читать молитву. Она отодвинулась немного отъ лошади, а руку не пускаетъ. Онъ еще перекрестился и опять говоритъ: „уйди!“ Сняла она тогда руку и отодвинулась. Вскочилъ охотникъ въ сѣдло, а лошадь нейдетъ! Перекрестился онъ въ третій разъ—тронулась лошадь, и поѣхалъ скорѣе прочь, а она ему велѣдъ и говоритъ: „Ну, если такъ ты отъ меня отказался, такъ и помни же меня. Теперь скорѣе старая женщина что-нибудь убьетъ, чѣмъ ты!“ И что-жъ бы вы думали? — заключилъ рассказчикъ,—вотъ прямо противъ него утка или фазанъ сядетъ, стрѣляетъ — летитъ! Ничего не могъ съ того дня убить, такъ и охоту бросилъ...

— Ну, а что же было бы, еслибъ онъ отъ нея не отказался?—полюбопытствовалъ я.—Вѣдь она же красавица была!

— Что было бы?—замучила бы его совѣмъ! У насъ былъ тоже такой случай... Стала одна женщина замѣчать, что мужъ ея ночью все куда-то уходитъ. Идетъ въ лѣсъ, а куда—прослѣдить не можетъ. Вотъ и надумала она привязать ему къ ногѣ нитку. Какъ ушелъ мужъ, она и пошла за нимъ слѣдомъ по ниткѣ. Шла, шла лѣсомъ и видитъ, что пошла нитка на высокое, высокое дерево. Посмотрѣла на верхъ, а тамъ на самой верхушкѣ устроена золотая кровать, и сидятъ на ней ея мужъ и какая-то женщина. Та его и спрашиваетъ: „что такъ долго не приходилъ?“— „Да нельзя,—говорить,—было: все жена не спала“. А волосы этой женщины съ самой верхушки дерева и до самой земли спустились прямо въ золотой тазъ, который подъ деревомъ стоялъ. Тутъ она (обманутая жена) взяла ножницы и, сколько могла достать, обрѣзала ей волосы и понесла ихъ вмѣстѣ съ тазомъ. Долго она ихъ несла, а на томъ мѣстѣ, гдѣ остановилась, построила церковь. И теперь тамъ этотъ тазъ съ волосами стоитъ *).

*) Сколько я ни спрашивалъ рассказчика, выяснить себѣ значеніе этой странной легенды не могъ. Поэтому я привелъ здѣсь этотъ рассказъ почти буквально въ томъ видѣ, какъ его слышалъ, и предоставляю господамъ этнографамъ выяснять его смыслъ.

— Да, прежде все это часто бывало, а теперь не знаю. Женщины можетъ-быть есть еще, а...

— И мужчины есть!—горячо перебилъ его Мирза, слушавшій до сихъ поръ съ разинутымъ ртомъ повѣствованіе объѣздчика.

Старшина также утвердительно кивнулъ головой и выпустилъ густой клубъ дыма.

— Я три раза *его* видѣлъ, — началъ Мирза.—Разъ развѣсилъ я на почъ сѣти на утокъ *), присѣлъ подъ дерево и сижу. Такъ немного задремалъ кажется... Открывъ глаза, смотрю — изъ-за лѣса идутъ ко мнѣ лошади, а позади нихъ еще идетъ тоже, мнѣ сперва показалось, лошадь. Вотъ она идетъ, идетъ, ближе, ближе. Гляжу, а это не лошадь, а человѣкъ большой, большой!

Невозможно описать то воодушевленіе, съ которымъ вель свой разсказъ Мирза. Помню, какъ расхваливали актера Барная за то, что въ рѣли Отелло онъ будто бы чрезвычайно вѣрно воспроизвелъ интонацію и манеры восточнаго человѣка въ рѣчи передъ сенатомъ. Еслибъ онъ увидѣлъ мимику и услышалъ тѣ переливы голоса, съ которыми Мирза разсказывалъ намъ свою исторію, ему, право, стало бы стыдно своего мальчишескаго подражанія такому оригиналу! Мнѣ казалось, что не понимаю я ни слова на одербейджанскомъ языкѣ, на которомъ происходилъ разсказъ, я все равно понялъ бы все. При послѣднихъ словахъ на лицѣ разсказчика выразилось сперва удивленіе, потомъ неописуемый ужасъ, онъ вскочилъ на ноги и, ставъ на цыпочки, задралъ руки высоко кверху, чтобы показать величину явившагося ему существа.

— И голова и руки у него, все—какъ у человѣка, только на всемъ тѣлѣ шерсть, какъ у буйвола, а ноги у него длинные, длинные...

— Еще бы,—замѣтилъ объѣздчикъ,—кто-жъ ему тамъ въ лѣсу обстрижетъ!

— Да... Вотъ онъ остановился прямо противъ меня и глядитъ, а я сижу и молчу. Онъ глядѣлъ, глядѣлъ, видитъ,

*) Всѣ талышницы, живущіе на низменности, зимою занимаются ловлею утокъ сѣтями.

что я его не боюсь и не бѣгу, давай передо мной плясать: напугать меня хотѣлъ. Я взялся за кинжалъ и говорю: „Не боюсь я тебя. Пляши, сколько хочешь, а я не испугаюсь и не побѣгу!“ Плясалъ онъ, плясалъ — видитъ, что я не боюсь, какъ закричить, и убѣжалъ въ лѣсъ.

— Уже свѣтатъ стало. Я пошелъ поскорѣе домой и сѣти бросилъ. Взявъ въ селеніи и старшину и весь джемаатъ, пошли мы смотрѣть то мѣсто. А тамъ слѣды — вотъ какія: двѣ четверти и четыре пальца!

Всѣ видѣли и всѣ мѣрили. Вотъ—двѣ четверти и четыре пальца (ики карышъ, дертъ бармакъ!), — снова повторилъ рассказчикъ, откладывая означенную мѣру на полу. При этомъ онъ такъ растягивалъ пальцы, что слѣдъ получился безъ малаго въ аршинъ.

— Зачѣмъ же онъ тебя пугалъ?

— Думалъ, я побѣгу.

— Ну, такъ что-жь?

— Задушилъ бы его тогда, — серьезно отвѣтилъ за него объѣздчикъ.

— Другой разъ сталъ я вынимать изъ сѣтей утокъ. Только досталъ двухъ, хотѣлъ ихъ зарѣзать, — вдругъ кто-то какъ схватить меня одной рукой за шею, другой за ногу. Я сперва подумалъ, что товарищъ шутить. „Пусти!“ — говорю, а онъ еще крѣпче давить. Взглянулъ я сбоку — анъ это „онъ!“ Что дѣлать? Обѣ руки заняты, ноги въ водѣ, а сдавилъ меня такъ, что и шевельнуться не могу. Я давай кричать. Прибѣжали наши люди, что по близости были, — онъ бросилъ меня и убѣжалъ въ лѣсъ.

— Ну, а третій разъ тоже ты утокъ ловилъ? — заинтересовался уже объѣздчикъ.

— Нѣтъ!.. Третій разъ хуже было... въ лѣсу „его“ встрѣтилъ. Шелъ я съ охоты... Прежде я много на охоту ходилъ! Ужь совсѣмъ темнѣть стало, я торопился поскорѣе до дому дойти. Вдругъ слышу кто-то зоветъ меня по имени: „Мирза, Мирза!“ Совсѣмъ, какъ человекъ, только голосъ такой толстый, грубый. Я еще скорѣе пошелъ, а онъ все за мной и опять зоветъ меня по имени: „Мирза, Мирза!“ А какъ разъ миѣ на дорогѣ канава и около нея де-

рево поваленисе лежить. Ну, думаю, будь, что будетъ! Остановился, вогналъ въ ружье сверхъ дроби пулю, залегъ въ канаву, ружье на дерево положилъ и жду. Гляжу, а онъ и идетъ по моему слѣду, высокій, высокій, какъ карагачъ, и весь, какъ буйволъ, мохнатый. Вотъ я нацѣлился ему въ грудь, выждалъ, пока онъ вплоть подошелъ, да какъ ахну! Даже самого меня оглушило! Какъ онъ закричить, да замахаешь руками!! Упалъ на землю, бился, бился, вскочилъ на ноги, опять упалъ, опять вскочилъ; потомъ снова, въ третій разъ ужъ упалъ, вскочилъ и побѣжалъ назадъ, а я во весь духъ пустился домой... Пришелъ я домой и рассказалъ все брату. Утромъ взяли мы еще четырехъ челоуѣкъ и пошли на то мѣсто, а тамъ крови, крови!..

Разказчикъ даже закрылъ лицо руками, какъ бы загорживая себя отъ ужаснаго зрѣлица.

— Долго шли мы по слѣду.—продолжалъ онъ, переведа духъ.—Сперва пошелъ онъ на Арчеванъ, а съ Арчевани повернулъ на Каладагну въ камыши, изъ камышей мимо Мошхана пошелъ въ горы. Три дня шли мы по слѣду, наконецъ, бросили. Съ тѣхъ поръ я болѣе не ходилъ на охоту, и ружье даже продалъ.

— Что-жъ такъ?—спросилъ Кахיאни.

— Послѣ этого у меня все дѣти умерли,—мрачно произнесъ разказчикъ, опустивъ на грудь голову.—Нужно еще дровъ принести!—сказалъ онъ вдругъ и, быстро поднявшись, вышелъ изъ комнаты.

— Ну, а ты видѣлъ его, ката?*)—обратился я къ старшинѣ, который, казалось, застылъ въ своей позѣ у камина и продолжалъ сосредоточенно курить свою длинную трубку, не сводя глазъ съ потухающихъ угольевъ.

Онъ утвердительно кивнулъ головой.

— Какъ же его зовутъ?

— Его зовутъ, — сказалъ онъ, наклоняясь ко мнѣ, — „Бабаан-гули!“

Н. А. Сатунинъ.

*) Ката—галльшское названіе старшины.